

УДК 94(497.5)
DOI 10.52452/19931778_2024_6_29

ЛОВУШКА ВОВЛЕЧЕННОСТИ: ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ НА СТРАНИЦАХ ХОРВАТСКОГО ИНТЕРНЕТ-ПОРТАЛА HISTORIOGRAFIJA.HR

© 2024 г.

М.В. Белов

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

belov_mihail@mail.ru

Поступила в редакцию 31.10.2024

«Оцифровка» публичной сферы проявилась в существенной трансформации ее функционирования под влиянием все более новых «новых медиа». Она же по-новому поставила вопрос о социальной роли историка и возможностях его публичной коммуникации. Запущенный в 2016 г. портал Historiografija.hr размещает информацию о научных конференциях, изданиях, выставках, памятниках, романах, фильмах, сериалах и т.д., вызвавших общественную дискуссию. Портал выступает в качестве агрегатора («цифрового архива») всех проявлений активности на ниве истории, прежде всего в Хорватии, но также и в сопредельных странах. Кроме того, портал стал организатором ряда интересных дискуссий, отразивших парадоксы в теории и практике публичной истории.

Ключевые слова: цифровая публичная история, историческая политика, Хорватия.

Обсуждение предмета и задач публичной истории по определению подразумевает апелляцию к публике (публичной сфере, публичному пространству и т.д.). Однако отнюдь не всегда такой разговор останавливается на трудном вопросе о бурных и противоречивых изменениях в «структуре общественности», вызванных, помимо социально-экономической трансформации в ходе неолиберальной глобализации, стремительными и скачкообразными эффектами цифровой революции во всех сферах жизни общества и человека. Так, затрагивая вскользь вопрос об аудитории, к которой обращаются публичные историки, известный специалист по теории исторического знания И.М. Савельева признает, что многие социологи (такие как А. Вольф, Р. Патнэм, Т. Скокпол, Р. Сеннет) констатировали упадок публики, которая «...сегодня исчезает под разрушительным влиянием рынка, колонизации социума со стороны медиа и бюрократических уловок». И, вопреки их мнению, она допускает, что «... существование “публичной науки” и социокультурные стимулы ее возникновения свидетельствуют, возможно, об обратном. В определенном смысле, публика только сейчас и возникает, причем уже не как масса, к которой обращен авторитетный голос специалиста, а как партнер по коммуникации» [1, с. 391]¹. Удивительно, но дальше такой констатации автор не идет, предлагая читателю домыслить сказанное. Вероятно, имеется в виду более широкий доступ (посредством Интернета) к разного рода информации. Но как такая новая техноинформационная ситуация формирует и структурирует «публику»?

Как раз на заре интернет-революции один из теоретиков и пропагандистов публичной истории Майкл Фриш предельно кратко сформулировал принцип, составляющий программную суть этого направления: идею «разделенной [с аудиторией] власти» (shared authority) в пространстве исторического знания [3]. И такая формула стала широко признанной для характеристики публичной истории и ее задач [2, с. 435–436; 4, с. 208–209]. И до, и после формулировки этого краткого девиза многие авторы, рассуждавшие на заданную тему, так или иначе говорили об истории, создаваемой для публики, о публике и вместе с публикой, делая акцент на последнем².

И все же в силу инерции доцифровой эпохи и с точки зрения собственных корпоративно-профессиональных задач многие авторы-историки видят процесс того самого «разделения власти» как бы сверху вниз, как некий «выход в люди» из замкнутого и возвышенного пространства академических занятий. При этом они могут решительно отвергать элитистскую (просветительскую, по происхождению) позицию ученых как хранителей истинного знания, которыми следует поделиться с «простыми людьми» – неискушенной в науке аудиторией. Между тем реальность «коннективного (цифрового) поворота» подчинена совершенно иному направлению – революционному движению снизу вверх, к захвату тех самых привилегированных пространств интернет-пользователями, встраивающимися в новые (очень подвижные) порядки и иерархии.

Вполне очевидно, что изучение истории публички является не только одним из возможных, но и необходимых для выяснения контекста взаимодействия в работе «для» нее и «вместе» с ней. В оценках раннего этапа интернет-революции преобладали технооптимистичные надежды на обретение «цифровой демократии», свободного и равного доступа к информации поверх государственных границ и прочих преград, ограничивающих общественную дискуссию офлайн. Однако со временем в определении цифровых перспектив стали звучать все более сдержанные, часто критические и даже алармистские суждения.

Как своеобразный итог, в 2022 г., спустя шестьдесят лет после появления своей первой, оказавшейся крайне влиятельной работы о зарождении и развитии публичной сферы, известный социальный философ Юрген Хабермас написал небольшой, но емкий текст, констатирующий ее опасную деформацию в условиях, когда основными каналами социальной коммуникации стали платформенные цифровые медиа. В результате, как согласился Хабермас со своими предшественниками в весьма пессимистичной оценке, инклюзивная публичная сфера, регулировавшаяся ранее «привратниками» традиционных СМИ в виде их ответственных редакторов и рискующих репутацией журналистов, распадается на ряд фрагментированных, эксклюзивных, полупубличных площадок (эхокамер), подрывающих инфраструктуру осмысленной общей дискуссии. Замкнутые интернет-аудитории формируются на основе подтвержденного предубеждения, где отклоняющиеся мнения легко отсекаются [12]³.

Тем более удивительно, что даже в ситуации состоявшегося триумфа социальных сетей, когда уже были выявлены уловки, с помощью которых здесь можно злонамеренно манипулировать ходом дискуссии (после Брексита и президентских выборов 2016 г. в США), иные теоретики «цифровой памяти» все еще рисовали как желанную цель идеальную модель коммуникации, основанную на взаимно уважительном обмене мнениями с целостным восприятием комплексной и логичной аргументации каждым участником обсуждения той или иной темы [14; 15, с. 55]. Впрочем, и эти убежденные оптимисты осознавали недостижимость подобного идеала, когда, пожалуй, ни одна важная интернет-дискуссия не обходится «... без троллинга, флуда и холивара» [16, с. 20]. Оптимистический тренд в характеристике «цифровой памяти» теперь точно сменился тревожащими заключениями, поскольку, по саркастичному замечанию соредатора сборника статей «Память

в Сети» (2023) А.Ф. Павловского, «... если Сеть что-то и создает, так это публичную сферу, в которой мудрость конкурирует с логореей» [16, с. 33]⁴. И это вновь возвращает нас к вопросу о том, как группируется и функционирует цифровая публичная сфера.

Тот же Павловский в заключительной части введения к упомянутому сборнику «со слабой надеждой на понимание» предупредил об опасности неправомерного смешения «цифровых коллективов» (или коллективов, ограниченных «цифровыми рамками памяти») с анонимными и подвижными «цифровыми множествами» [16, с. 32–36]. Они образуются вокруг различных интернет-площадок, инфлюенсеров, сетевых скандалов и т.д. Такие множества, очевидно, могут пересекаться, набирать и терять массу, перетекать из аудитории в аудиторию. И хотя диффузное состояние «цифровых множеств» можно считать их основополагающим качеством, помимо горизонтальных связей, свойственных Сети, в них порой обнаруживается и некая «плоская иерархия»: более активное и преданное (например, какой-то интернет-знаменитости) фанатское «ядро» с менее вовлеченными, пассивными, хуже привязанными «перифериями»⁵. Ссылаясь на слабую изученность «цифровых коллективов», существующих не только в онлайн-режиме, Павловский не решился охарактеризовать параметры их соотносительности с «цифровыми множествами». Повидимому, для этого следовало бы учесть и те социальные процессы, которые происходят вне Сети – в связи или вне связи с ней⁶. Но так или иначе, как констатировал тот же Павловский, Интернет обнажил и усилил «старые идеологические антагонизмы» [16, с. 20].

Менее дифференцированное понимание сформировавшейся в Сети публички предлагает концепция цифровой или «умной (smart) толпы» [19; 20, с. 12–32]. Ее появление отражает ранний, весьма оптимистичный тренд в оценке социальной роли цифровых медиа. Однако достаточно уже следующего логического шага, чтобы предположить, что гигантское расширение публичной сферы за счет, скорее, «поумневшей» (благодаря вдруг открывшемуся доступу к информационным ресурсам) «толпы» вовсе не гарантирует рост когнитивных ресурсов этой сферы в общем и целом⁷. И это еще вопрос, является ли прискорбное снижение стандартов интернет-дискуссии результатом дурного влияния случайно вовлеченных в нее представителей социального «дна» или закономерным следствием потери самоконтроля у «обычного» пользователя, оказавшегося в виртуальном пространстве, где стерты границы между публичным и частным.

Если еще учесть высокую общественно-политическую поляризацию в том или ином социуме и повышенную остроту актуальных проблем, то даже дискуссия по вопросам, не имеющим к ним непосредственного отношения (например, по некоторым спорным эпизодам прошлого), рискует оказаться в лабиринте болезненных проекций, причудливых отклонений и эмоциональных компенсаций.

Оптимистично настроенные авторы монографии «Историческая память в социальных медиа» С.В. Тихонова и Д.С. Артамонов все же признают (со ссылками на результаты ряда ранее проведенных исследований) ослабление навыков критического восприятия информации у «цифровых аборигенов», значимую замену рациональной аргументации на эмоциональную вовлеченность в создаваемых медиапродуктах, а также опасности встречи с «неадекватной аудиторией» [20, с. 20–21, 62, 73–93, 232]. Более того, направляемые интерфейсом и алгоритмами стратегии чтения медиатекста принуждают скользить по его поверхности и блокируют погружение на глубину без особых усилий со стороны пользователя. В то время как информационная перегрузка при перманентном дефиците внимания заставляет производителей контента для их преодоления использовать уловки таблоидов – сенсации, скандалы и провокации⁸.

В условиях свободного доступа интернет-пользователя к необозримому морю информации, сложившийся в доцифровые времена, статус эксперта утрачивает тот символический капитал, что был связан с институционально закрепленной иерархией знаний и процедурами, принятыми в профессиональном сообществе⁹. Новые экспертные репутации интернет-селебрити вырабатываются по шаблонам, ранее апробированным в шоу-бизнесе, благодаря новым возможностям «парасоциальной» и «псевдоинтимной» связи с потенциальной аудиторией, которые открываются на платформенных медиа [25]. Но едва ли даже в таких изменившихся мотивационных обстоятельствах (с их коммерческой составляющей) сообщество ученых-историков охотно последует предложению сменить профессию, превратившись в обслуживающий персонал «гаражной науки», а также в «дизайнеров и продюсеров» [26] (или менеджеров [27, с. 169] и лицедеев) социальных сетей. В овладении новыми навыками нет ничего зазорного. Вопрос лишь в том, чему они будут служить. Едва ли большинство из историков согласится отказаться от модуса «стремления к истине» (Д. Тош), чтобы оформлять с опорой на свое знаточеское ремесло субъективистские практики постправды, где логические процеду-

ры будут заменены эмоциональной привлекательностью [20, с. 183–239; 28]¹⁰.

При этом одно дело участвовать в сотворении, пусть действительно узкой, субъект-ориентированной, но не враждебной внешнему окружению частной, локальной, групповой истории (или даже истории для развлечения), и совсем другое – потворствовать нетерпимости, фантомным страхам и обидам, злорадству, ложному самомнению и, в конечном счете, агрессии с использованием исторического ресурса. Однако именно сильные негативные эмоции при высоком градусе социального напряжения пользуются повышенным спросом в дефицитарной экономике внимания. И такие разнородные, а иногда явно опасные установки и запросы к прошлому без разбора объединяются под расплывчатой вывеской «новых эпистемических арен» с предположительным равенством их друг другу [20, с. 22–31]¹¹. Но это ведь совсем не одно и то же.

В итоге, воодушевленные революционной интернет-ситуацией авторы торопятся поставить озадаченных историков перед мучительным выбором: самозаточение в «башне из слоновой кости» для занятий никому не нужной наукой или отказ от ядра их профессиональной идентичности (того самого «стремления к истине» на пути рациональной доказательности). И конечно, это всего лишь ложная дилемма. Впрочем, такая поляризация вариантов решения реальной проблемы вполне соответствует «цифровой аффективной культуре экстремального», диагностированной немецким социологом А. Реквицем. Тот же автор при этом подчеркивает: хотя в современной социальной ситуации («позднем модерне») аффективное поведение вышло на первый план, «механизмы формальной рационализации» приобретают «... форму фоновой общей *инфраструктуры* (курсив А. Реквица. – М.Б.) для систематического производства особенностей» [18, с. 17, 214–215]. Поэтому-то и отказываться от них было бы преждевременно.

Показательным вариантом преодоления выше названных крайностей видится работа хорватского интернет-портала *Historiografija.hr*. Характеристике избранной им модели публичного функционирования будет посвящена оставшаяся часть статьи. Хотя деятельность портала выглядит в целом успешным предприятием, она обнажает и некоторые парадоксы вовлеченности профессиональных историков в обсуждение проблем, выходящих за рамки только академического интереса.

Понимание предмета и назначения публичной истории с самого начала ее оформления

отличалось известной двойственностью. Во-первых, речь шла о практиках взаимодействия академического знания о прошлом с публичной сферой, с разными социальными группами, носителями разнонаправленной «живой» (коммуникативной) памяти и обыденных представлений о более или менее далеких событиях «большой» истории. Во-вторых, об изучении самих способов, возможностей, трудностей и эволюции такого взаимодействия; влияния публичной сферы с присущей ей массовой потребительской культурой на академические традиции и социальные роли историков [10]. Аналитически разделенные, такие направления вовсе не противоречат друг другу и часто совмещаются в работе публичных историков. Подобное совмещение представляет собой и портал *Historiografija.hr*. Здесь фиксируется всякая активность в поле публичной истории в Хорватии, сопредельных странах, а также отмечаются наиболее резонансные события за пределами региона, но кроме этого обсуждаются и проблемы взаимодействия профессиональных историков, государственных чиновников, публичных политиков, старых и новых медиа, образовательной, просветительской инфраструктуры и всего общества в обращении с прошлым.

Расколы хорватской публичной сцены, перешедшие затем и в цифровое пространство, восходят к трагическим событиям 1990-х гг. (в результате и после распада Социалистической Федеративной Республики Югославия), к политическому наследию первого хорватского президента Франьо Туджмана (1990–1999) и длящимся проблемам «посткоммунистического транзита». В исторической политике Туджман в целях национальной консолидации инициировал программу «примирения» (хорв.: *promirba*) между наследниками коммунистических партизан и усташей (пособников нацистов), воевавших друг с другом во время Второй мировой войны, но якобы равно приверженных идее свободы и независимости хорватского народа. Утрата политического доминирования партией Туджмана Хорватским демократическим содружеством (ХДС), произошедшая вскоре после его смерти, и приход к власти в начале 2000-х социал-демократов (бывших коммунистов) привели к частичному пересмотру полуавторитарного, национально-консервативного курса кризисно-конфликтной эпохи, что коснулось и смены акцентов в концепции «примирения». В результате такого отката сформировалось членение партийно-политической системы и общественных предпочтений в Хорватии на «правых» и «левых». Но речь не идет об однозначной двухпартийной идентичности. Внутри двух

главных партий имеются фракционные различия, и обе имеют потенциальных союзников или оппонентов на крайних флангах политического спектра. Параметры полемики задают разочарование в итогах «транзита» и многочисленные социально-экономические проблемы, связанные с незавершенной «трансформацией» [29–31].

В исторической политике расхождения между «правыми» и «левыми» затрагивают отношение к усташескому и пронацистскому Независимому государству Хорватия (НГХ) 1941–1945 гг. с его насильственными и геноцидными практиками, опыту социалистической модернизации и решения национального вопроса в коммунистической Югославии, а также к эпохе так называемой Отечественной (сербско-хорватской) войны 1991–1995 гг., к национализму, авторитаризму и историческому ревизионизму эпохи Ф. Туджмана. Политико-идеологические лагеря разделяют и корпорацию хорватских историков. Причем такое деление имеет определенную институциональную привязку. Считается, например, что историки национально-консервативной, правой ориентации преобладают в Хорватском институте истории, а левой, критической по отношению к ней – на историческом отделении Философского факультета в Загребском университете [32, с. 34–37].

Портал *Historiografija.hr* начал работу в 2016 г., а его инициатором и первым редактором стал профессор того самого факультета Дамир Агичич. Он уже имел солидный опыт научно-организационной и просветительской работы, являясь с 2008 г. редактором «Исторического сборника» (*Historijski zbornik*) и «Преподавания истории» (*Povijest u nastavi*), двух периодических изданий Общества хорватской истории. Кроме того, в 2014 г. он же стал одним из организаторов книжного фестиваля «Клиофест», превратившегося затем в важнейшую площадку продвижения публичной истории в Хорватии (а также в соседней Боснии и Герцеговине). Вторым редактором портала выступил доцент, а затем экстраординарный профессор того же факультета Бранимир Янкович. Специализирующийся как исследователь по теории и истории исторического знания¹², он является и одним из главных хорватских пропагандистов и организаторов публичной истории. В частности, Янкович инициировал проект *PUIP – Povijest u javnom prostoru* (История в публичном пространстве), который оформился в 2019 г. по инициативе Сообщества по продвижению исторической культуры «Клиофест» (*Udruga za promicanje kulture povijesti Kliofest*). Проект предполагал организацию конференций и кол-

ловкиумов по вопросам публичной истории и исторической политики. В его планы входило и создание тематического электронного журнала. Однако с 2022 г. страница *PUIP*, размещенная на портале *Historiografija.hr*, не обновлялась [33].

Как сообщают создатели портала на информационной странице, они поставили перед собой задачу «... налаживания коммуникации между хорватскими историками и учеными вообще, а также с нашими коллегами за рубежом» [34]. Таким образом, речь идет в первую очередь о консолидации и превращении в заинтересованную друг другом публику самой расколотой корпорации хорватских историков с дальнейшим расширением этого круга до иных агентов публичной истории. По верному рассуждению редакторов, для преодоления общественного раскола и блокировки злонамеренного использования прошлого в узкополитических целях историкам сначала следовало бы выработать правила публичной коммуникации между собой. На своих страницах портал публикует информацию о научных конференциях и новых изданиях, но также об экспозициях, памятниках, художественных произведениях, постановках и других актуальных событиях, вызвавших общественную дискуссию по историческим вопросам. Вот полный перечень его рубрик:

- Журналы;
- Электронные книги;
- Фильмы и сериалы;
- Интервью;
- Выставки;
- Театральные пьесы;
- Книги;
- Новости;
- Уведомления о смерти и некрологи;
- Исторические романы и литература;
- Отзывы и обзоры;
- Дискуссии и полемика;
- Собrania и конференции;
- Стипендии.

Таким образом портал выступает в качестве агрегатора всех проявлений активности на ниве истории, прежде всего в Хорватии, но также и в регионе, особенно часто откликаясь на события в публичном пространстве Сербии, а также Боснии и Герцеговины. В последней создан аналоговый портал с боснийским доменным именем .ba, который редактирует сараевский историк Хусния Камберович. Кроме того, *Historiografija.hr* информирует читателя и о важных моментах в изучении региона за его пределами – в Европе и США. Он откликается и на некоторые важные тренды в мировой историографии.

Наиболее интересным разделом портала, вероятно, являются «Дискуссии и полемика», где наряду с научными спорами (или нередко – лично окрашенными пикировками между учеными) освещаются и вызвавшие высокий публичный интерес события в политике памяти. Агрегация материалов по таким темам интегрирует ссылки на публикации из электронных версий традиционных изданий (газет и журналов, имеющих и печатную форму), на ролики телевизионных программ, размещенных в видеохостинге, и на публикации новых медиа – интернет-порталов разного профиля и идейно-политической ориентации, а также на некоторые посты в социальных сетях. Таким образом формируется своеобразный цифровой архив¹³ публичной истории, отсылающий к широкой палитре высказанных мнений в их совпадениях и расхождениях, что делает соответствующие страницы портала хорошим пособием при изучении ее знаковых эпизодов¹⁴. При этом в подборе ссылок можно наблюдать любопытную конвергенцию старых и новых медиа, к тому же нередко цитирующих и откликающихся на публикации друг друга [38, с. 11].

Следует учитывать, что профессиональные историки в Хорватии (как и в Сербии, например) в условиях «цифрового поворота» сохранили стартовый символический капитал в качестве важных публичных фигур, вовлеченных и в политические дискуссии, что отчасти – тоже наследие бурных 1990-х, когда история была поставлена на службу военной мобилизации. Историков все еще часто приглашают для комментариев на страницы газет и в телевизионный эфир, поэтому к ним обращаются и новые медиа. Однако в дискуссиях на исторические темы в публичном пространстве задействованы не только они, но также и журналисты (профильные газетные колумнисты и новые блогеры), писатели, искусствоведы, социологи, музейщики, выставочные кураторы и другие специалисты.

Сам редактор портала чаще воздерживается от собственной оценки состоявшейся дискуссии, давая каждой подборке ссылок на наиболее важные публикации по конкретной теме лишь короткую аннотацию с указанием на повод и предмет обсуждения. Здесь же иногда помещаются гиперссылки на предшествующие страницы портала, если новый всплеск общественного интереса к теме имел предысторию и она уже освещалась на портале. Формально нейтральная позиция редактора обеспечивает охлаждающую дистанцию по отношению к иногда довольно бурным дискуссиям. Теми же соображениями, вероятно, продиктован и отказ от возможности для читателей портала оставить свой коммента-

рий под теми или иными публикациями, в то время как на страницах изданий, к которым ведут размещенные ссылки, такая возможность чаще всего открыта. Однако посетителям предлагается при желании отправить свой комментарий на почту редактора. Некоторые важные отклики, прошедшие через него, публикуются затем на портале.

В отдельных случаях редактор позволяет себе развернутые высказывания на страницах своего издания, и они касаются, как правило, принципиального вопроса о роли историков в публичных дебатах о прошлом. Так, уже приходилось писать о крайне интересной и содержательной дискуссии с участием Б. Янковича, откликнувшегося на публикацию статьи Марино Бадурины «Историки не брокеры на бирже жертв». Затем обмен высказываниями между ними продолжился [32, с. 506–509; 39, с. 78–80]. Помимо вопроса об отказе от соучастия историков в опасной для общества «конкуренции жертв», по которому при малом расхождении в акцентах оппоненты в целом согласились, дискуссия затронула и более общий вопрос о допустимой мере вовлеченности ученых в острые публичные дебаты.

Бадурина призвал интеллектуалов «... быть осторожным[и], чтобы вовлеченность не вылилась в некую пастырскую заботу и тщетное морализаторство». Он резко осудил тех «... “питбулей-интеллектуалов” (или интеллектуальных полицейских), которые беспрерывно выслеживают и инстинктивно нападают на текущие явления, вместо того чтобы тратить время и энергию на то, чтобы подумать и чуть лучше понять эти явления». Историк оправдывал «... уединенную работу и размышления, спокойствие, почти заточение, так как только тогда может начаться живой внутренний диалог» [40]. С такой заостренной позицией Б. Янкович, как поборник публичной истории, уже никак не мог согласиться, приняв, очевидно, критику и на свой счет. В конечном счете позиции собеседников сблизилась, поскольку Бадурина признал нелепость помещения историков в «башню из словной кости», хотя бы потому, что результаты их труда обладают особой социальной значимостью. Он указал на двойственность и противоречивость позиции историка как профессионала в науке и социального актора, чего никак нельзя избежать. Напротив, это следует трезво признать и постоянно учитывать. Но «... только от конкретного человека, от его уровня осведомленности и независимости зависит, как с этим справиться. Универсального рецепта нет» [41].

Любопытно, что в этом разговоре так и не зашла речь о воздействии «цифрового поворо-

та» на публичную сферу, поскольку в Хорватии (как и в других поствоенных странах региона) градус обсуждения трудных вопросов прошлого был и остается без того чрезвычайно высок.

Зато в этой дискуссии выявился основной парадокс вовлеченности, сводящийся к моральной редукции, когда взамен «плохой» (националистической) исторической политике предлагается правильная, «хорошая». Здесь же кроется и переход от отстраненной академической полемики, основанной на рациональной аргументации, к эмоциональному осуждению неправоты оппонента с сопутствующей аргументацией *ad hominem*. Такое соскальзывание особенно характерно для интернет-коммуникации, где удивительным образом любое неосторожное высказывание может вдруг обратиться в громкое заявление. И что характерно, уже имеется случай распространения начавшегося в социальных сетях конфликта между историками на академическую печать [39, с. 80–85]. Так скандал как стратегия сетевого распространения демонстрирует способность захватывать, казалось бы, защищенную «чужую территорию».

Протест против намеренного искажения исторической правды в угоду тем или иным политическим интересам (или идеологическим предубеждениям) нередко сопровождается острой эмоциональной реакцией именно потому, что подобные подозрения затрагивают самую суть профессиональной идентичности историков. И потому так важно (для ее сохранения) выработать корректные правила публичной полемики внутри корпорации.

Примером выхода далеко за пределы обсуждения содержания ее работы может служить скандал с отзывом в декабре 2023 г. рекомендации по использованию в учебном процессе одного из хорватских учебников для четвертого класса гимназии, где изучается противоречивый и вызывающий жаркие споры XX век. Портал правой ориентации *Narod.hr*, дирижировавший кампанией по осуждению учебника «Почему история важна?» (2022), сделал главной мишенью одного из трех его авторов Миленко Хайдаровича, сторонника решительной либерализации образовательной системы [42]. Затем рассмотрение перешло на уровень квалификации его соавторов и рецензентов учебника, которые, по мнению критиков, не обладали должными компетенциями, а также и на чиновников министерства, первоначально рекомендовавших учебник к использованию. Попутно выяснилось, что в учебнике действительно можно выявить некоторую политическую тенденцию в подборе имен исторических деятелей и сопровождающих текст документов, что спровоциро-

вало полемику о самой возможности «авторского» взгляда в учебнике для национальной школы. Портал *Historiografija.hr* посвятил множество страниц освещению данной политико-образовательной коллизии и опубликовал мнения некоторых историков на ее счет. Здесь же помещались и напоминания о предшествовавших нападках на неудобные школьные учебники. Сам редактор портала в авторской подводке указал на опасность прецедента, который может спровоцировать новые претензии, призывы к чисткам и распространение спекулятивных сражений в историческом поле на школьное образование. В свою очередь его прежний собеседник Марино Бадурина пришел к выводу, что случившееся возмущение публичного поля (с участием «обычно сонных» хорватских историков), если быть до конца честным, резко поставило под вопрос саму необходимость школьного учебника как такового в нынешней информационно доступной среде [43].

Возможной стратегией защиты исторической правды со стороны профессиональных историков могло бы стать систематическое привлечение внимания заинтересованной публики к искажениям фактов прошлого. Однако и здесь возникают опасности использования таких разоблачений в политических целях или для сведения счетов с неудобными лицами. Случаем подобного рода стала история с отставкой директора государственного учреждения «Мемориальная зона Ясеновац» Иво Пеяковича после разясняющей справки на портале *CroFacta.hr*. Там была отмечена одна фактическая ошибка в публикации на сайте мемориала (о неподтвержденной встрече 4 июня 1941 г. представителей НГХ с нацистскими функционерами, где якобы обсуждались последовавшие затем акты государственного террора) [44]. Обнаружение реального промаха в изложении исторических подробностей способствовало уходу музейного функционера, олицетворяющего позицию, неудобную для мнемонического большинства, поскольку она напоминает о причастности его страны к тяжким преступлениям в принципиально важном эпизоде прошлого (Вторая мировая война, нацизм и Холокост).

Historiografija.hr представила на отдельной странице ссылки на многочисленные полемические статьи по этому поводу [45]. Сам редактор приветствовал появление нового цифрового проекта, однако отставка Пеяковича послужила ему пищей для дополнительных размышлений о том, как простое исправление фактических ошибок может сработать в сильно накаленном публичном контексте. Действительно, «... заметка Владимира Гейгера на портале *CroFacta...*

опровергает лишь утверждения, которым нет доказательств в документах и историографии. При этом не высказывается никаких интерпретативных или ценностных претензий. Однако даже в этом случае невозможно сосредоточить разговор о фактах только на фактах. А именно, есть еще и рецепция разговора о фактах, что является дополнительным аспектом, который я бы включил в обсуждение. Именно такая общественная реакция на факты неизбежно определяется уже существующими интерпретативными, смысловыми или ценностными рамками» [46].

Эпизод с отставкой Пеяковича продемонстрировал неразрывную связь цифрового пространства (где была допущена и затем обнаружена фактическая ошибка), пространства администрирования истории (где Пеякович занимал ответственный пост) и выделенного физического места памяти (Ясеновац как территория и символ усташского террора), выпадающего из национального мифа о героическом прошлом. Кроме того, как показывает рассмотренный случай, что подчеркнул и Янкович, обоснованное указание на ошибку приобретает совершенно иной, сильно искаженный смысл, если оно входит в резонанс с колебаниями в напряженном публичном поле, и может помогать доминирующим в нем силам как в расправе над конкретным лицом, так и в подавлении неприятных воспоминаний (в отрицании преступного прошлого).

Итак, «оцифровка» публичной сферы проявилась в существенной трансформации ее функционирования под влиянием все более новых «новых медиа». В частности, это привело и к субдисциплинарной переквалификации, определившейся в подпонятии «цифровой публичной истории» [4, с. 207]. Одной из важных новаций здесь стала принципиальная неопределенность потенциальных и реальных аудиторий, участвующих в опосредованной цифрой коммуникации. Фрагментация публичной сферы, вызванная спецификой платформенных медиа, может накладываться на уже сложившееся разделение общества, в том числе в его отношении к трудному прошлому.

Упадок квалифицированной экспертизы с крушением устоявших репутационных иерархий знания (в условиях свободного доступа к информации) закономерным образом затронул в первую очередь менее инструментализированные и математизированные научные дисциплины. И одной из первых мишеней, что опять же неудивительно, стали слабо укрепленные, но чувствительные к коллективным идентичностям разделы исторической науки, особенно те из них, что сопряжены с общественным несогласием и политическими противоречиями. В

эпоху персонифицированных новых медиа, кажется, реализовалась давно известная и строго порицаемая академическим истеблишментом максима К. Беккера: «Каждый сам себе историк». В сложившихся обстоятельствах профессионального историка подталкивали к решению, в случае наличия у него амбиции влиять на публику, самому стать новым медиа, чтобы вступить в острую конкуренцию с более успешными (в силу более развитых качеств медийности) непрофессионалами.

Впрочем, утрата социально престижных позиций в разных национальных традициях протекает с разной степенью интенсивности. Ряд хорватских историков представлен в качестве постоянных спикеров в пространстве старых (но уже оцифрованных) и новых медиа. Однако историки, как и все хорватское общество, разделены барьерами политико-идеологических, околопартийных ориентаций на правых и левых.

Замысел создателей портала *Historiografija.hr* заключался в нормализации диалога между ними, что поспособствовало бы и снижению излишне высокого уровня конфликтности при обсуждении трудных вопросов прошлого в хорватском обществе, ограничивая тем самым возможности политического манипулирования на ниве истории. В этом смысле созданный левыми (по их общественной ориентации) историками портал является типичным проектом публичной истории как альтернативы исторической политике. В противовес национализму и этатизму последней, здесь «... политическое (курсив И. Калинина. – М.В.) рассматривается как открытое и внутренне напряженное пространство, постоянно перераспределяемое между различными позициями и коллективными субъектами, вступающими в коммуникацию друг с другом», «независимо от того, является ли достижение согласия конечной целью этой коммуникации» [47, с. 355–356, 371].

Создатели портала такой финальной цели, конечно, не ставили, но они преследовали не менее амбициозную задачу: формирование с помощью новых медиа воссоединенной публики из корпорации хорватских историков и всех тех, кто вовлечен в созидание образов прошлого. Старательно выдерживая дистанцию по отношению к политическим крайностям, редактору-«привратнику» Б. Янковичу, занимающему, однако, отчетливую методологическую позицию, как правило, удается уклониться от окопной тактики в мемориальной войне. Хотя нередко дискуссии, зафиксированные на портале, скатываются на обсуждение личностей (а не идей) и их политических предпочтений. Регистрируя наиболее резонансные события в хор-

ватской (и региональной) публичной истории, не иницилируя, но внимательно следя за скандалами как эффективными средствами привлечения внимания, портал *Historiografija.hr* выполняет, помимо прочего, роль цифрового архива и улавливателя разных форм и конкретных проявлений общественно-политической вовлеченности в связи с прошлым.

Примечания

1. Ср. с более уверенной формулировкой этого тезиса в предшествующей статье ключевого автора вышеуказанной публикации на схожую тему: [2, с. 442].

2. И.М. Савельева, в частности, цитирует столь же афористичного Б. Франко, который в статье, опубликованной в 1997 г., утверждал, что публичная история «может означать историю для публики, историю публики, историю, создаваемую самой публикой или при ее участии» [2, с. 441]. Одним из наиболее энергичных пропагандистов последнего варианта был американский историк (представитель радикального направления, возродившегося на волне бурных шестидесятых) Рой Розенцвейг (1950–2007). [5; 6]. См. также ряд российских публикаций по публичной истории: [7–11].

3. Этот текст, по признанию Ю. Хабермаса, стал откликом на работы его коллег-социологов: [13].

4. Сжатый обзор критических суждений по поводу цифровой публики см. также: [17, с. 149–150]. Сам автор данной статьи особо подчеркнул в критике тезиса о «демократизирующем» эффекте Интернета неравенство производителей контента, поскольку внимание к нему обусловлено сетевым статусом транслирующих его персон.

5. Более детальный, хотя и не исчерпывающий анализ цифровой социальности см.: [18, с. 207–211].

6. Такая комплексная работа предпринята, например, А. Реквицем [18].

7. Ср.: [20, с. 17–18]. Разночтения здесь, вероятно, вызваны недооценкой значения *направленности* в сетевой активности.

8. Автор концепции «экономики внимания» Гербер Саймон именовал такие приемы «медом». Подробнее об этой концепции применительно к цифровым продуктам см.: [21].

9. Ср. с более пессимистичной оценкой: [23]. Явным преувеличением выглядит утверждение, будто бы «цифровой поворот» лишил профессиональных историков монополии на производство исторического знания [20, с. 70; 24, с. 25, 127]. Если оставить за скобками политические режимы, стремившиеся к полному идеологическому контролю, историки такой монополией никогда и не обладали. В оговоренных случаях – назначенные властью чиновники от науки выполняли порученные им идеологические функции, тогда как монополия на истину принадлежала государственному аппарату. Более точным определением цифровой ситуации является усиление размытости границ научного знания [25, с. 96].

10. Поскольку занятия историей не обременены громоздким оборудованием, приборами и машинами, по-видимому, никакой «гараж» для них и не нужен.

11. Справедливости ради, авторы допускают, что следование «постправде» не обязательно требует погружения в поток фейков, «... она может наслаиваться на вполне рациональные, научно обоснованные интерпретации. Проблема в том, что без флера постправды последние не могут ни привлечь внимание, ни вызвать доверие» [20, с. 29]. Продолжая эту мысль, если законы привлекательности противостоят сложным доказательным построениям, то их доля в успешном продукте должна быть сведена к минимуму, в противном случае он окажется маргинализирован, а эффективность усилий по его продвижению ничтожной.

12. Докторская диссертация Б. Янковича «Теоретическое и методологическое преобразование хорватской историографии в 1970–80-х гг.» была защищена в 2014 г.

13. О различиях в понимании сущности цифрового архива см.: [16, с. 30–31].

14. В частности, подборки ссылок портала использовались, например: [35–37].

Список литературы

1. Гатина Г.С., Савельева И.М. Российские истории о практике публичной истории // Историки в поисках новых перспектив: Колл. монография / Под общ. ред. З.А. Чеканцевой. М.: Аквилон, 2019. С. 383–409.
2. Савельева И.М. Публичная история: дисциплина или профессия? // Науки о человеке: история дисциплин: Колл. монография / Сост. и отв. ред. А.Н. Дмитриев, И.М. Савельева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. С. 421–451.
3. Frisch M. A Shared Authority: Essays on the Craft and Meaning of Oral and Public History (Sunny Series in Oral and Public History). State University of New York Press, 1990. 300 p.
4. Колесник А.С. (Не)публичная история? Русскоязычные Telegram-каналы о прошлом // Память в Сети: цифровой поворот в memory studies / Под ред. А.Ф. Павловского и А.И. Миллера. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2023. С. 206–220.
5. Roy Rosenzweig Center for History and New Media / Department of History and Art History George Mason University, cop. 1996–2013. URL: <http://hnn.us/articles/43739.html#About>.
6. Махов А.С. Рой Розенцвейг: делая историю публичной // Диалог со временем. 2013. Вып. 43. С. 180–189.
7. Шевелева А.П. История: академическая, популярная, публичная // Артикулы. 2013. № 11 (3). С. 4–8.
8. Репина Л.П. Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. Кн. 3. С. 55–67.
9. Исаев Е.М. Публичная история в России: научный и учебный контекст формирования нового междисциплинарного поля // Вестник Пермского университета. История. 2016. Вып. 2 (33). С. 7–13.
10. Завадский А.И. и др. Публичная история: между академическим исследованием и практикой // Неприкосновенный запас. 2017. № 112. С. 22–34. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/112_nz_2_2017/article/12529/ (дата обращения: 25.08.2024).
11. Завадский А., Дубина В. Введение // Все в прошлом: Теория и практика публичной истории / Под ред. А. Завадского и В. Дубиной. М.: Новое издательство, 2021. С. 9–16.
12. Хабермас Ю. Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 104 с.
13. Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit? / Hg. M. Seeliger, S. Seignani (Leviathan, 37). Baden-Baden: Nomos, 2021. 498 s.
14. Birkner T., Donk A. Collective memory and social media: Fostering a new historical consciousness in the digital age? // Memory Studies. 2020. Vol. 13. Issue 4. P. 367–383.
15. Долгов А.Ю. Травма и ностальгия в социальных сетях: осмысление советского прошлого в онлайн-сообществе «Мы из СССР» // Память в Сети: цифровой поворот в memory studies / Под ред. А.Ф. Павловского и А.И. Миллера. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2023. С. 50–76.
16. Павловский А.Ф. Введение. Цифровые рамки коллективной памяти: Куда ведет цифровой поворот в memory studies // Память в Сети: цифровой поворот в memory studies / Под ред. А.Ф. Павловского и А.И. Миллера. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2023. С. 7–48.
17. Молотов К.И. «Неосталинизм» в русскоязычном сегменте TikTok: как связаны Сталин и Тима Белорусских // Память в Сети: цифровой поворот в memory studies / Под ред. А.Ф. Павловского и А.И. Миллера. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге, 2023. С. 148–164.
18. Реквиц А. Общество сингулярностей. О структурных изменениях эпохи модерна / Пер. с нем. Т.Ю. Адаменко, И.Г. Соколовской. М.–Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2022. 400 с.
19. Rheingold H. Smart Mobs: The Next Social Revolution. Cambridge, MA: Perseus Publishing, 2002. 266 p.
20. Тихонова С.В., Артамонов Д.С. Историческая память в социальных медиа. СПб.: Алетейя, 2022. 264 с.
21. Милкова М.А. Феномен внимания в информационной среде: экономика внимания // Цифровая экономика. 2020. № 3 (11). С. 73–87.
22. Абрамов Р.Н., Кожанов А.А. Концептуализация феномена Popular Science: модели взаимодействия науки, общества и медиа // Социология науки и технологий. 2015. Т. 6. № 2. С. 45–59.
23. Николс Т. Смерть экспертизы. Как интернет убивает научные знания. М.: Бомбора, 2019. 368 с.
24. Артамонов Д.С. Медиапамять в коммуникационном пространстве цифрового общества: Дис. ... д.филос.н. Саратов, 2023. 356 с.
25. Молотов К.И., Максимова А.С., Хлевнюк Д.О. Способы конструирования экспертной позиции в YouTube: видео популярных блогеров-историков о сталинских репрессиях // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 92–117.
26. Лапина-Красатюк Е. Как цифровые медиа изменили подход к истории // Forbes. 05.08.2015. URL:

<https://www.forbes.ru/mneniya-column/295707-kak-tsi-frovye-media-izmenili-podkhod-k-istorii> (дата обращения: 25.08.2024).

27. Хмелевская Ю.Ю. Историки и «полезное прошлое»: к вопросу о дисциплинарных границах и дисциплинирующих функциях истории в современном обществе // Вестник Пермского университета. История. 2016. Вып. 1 (32). С. 162–173.

28. Артамонов Д.С., Тихонова С.В. Гараж истории: цифровой поворот «независимых исторических исследований» // Диалог со временем. 2020. Вып. 72. С. 237–254.

29. Пивоваренко А.А. Политический ландшафт Хорватии. 1990–2000-е гг. // Очерки политической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец XX – начало XXI века / Отв. ред. К.В. Никифоров. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 285–313.

30. Пивоваренко А.А. Политика примирения в современной Хорватии: от синкретизма к «легитимному национализму» // Трансформационные революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 30-летию событий. 1989–2019 гг. / Отв. ред. К.В. Никифоров. СПб.; М.: Нестор-История, 2021. С. 331–351.

31. Пивоваренко А.А. Франьо Туджман и проблематика современной Хорватии // Новая элита в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: политические портреты. Конец XX – начало XXI века / Отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 469–484.

32. Историческая политика в странах бывшей Югославии: Колл. монография / Под ред. М.В. Белова. СПб.: Нестор-История, 2022. 512 с.

33. PUJP – Povijest u javnom prostoru. URL: <https://historiografija.hr/pujp/> (дата обращения: 25.08.2024).

34. Impressum // Historiografija.hr. URL: https://historiografija.hr/?page_id=879 (дата обращения: 25.08.2024).

35. Белов М.В. «Только скульпторы знают, каким Туджман был»? Памятник в фокусе публичных дебатов об актуальном прошлом Хорватии // Историческая экспертиза. 2020. № 2. С. 136–158.

36. Белов М.В. Официальный календарь как инструмент исторической политики: случай Хорва-

тии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 5. С. 83–93.

37. Белов М.В. Киносражение за жертвенную память: «Дара из Ясеноваца» (2020) под огнем критики // Диалог со временем. 2022. Вып. 81. С. 226–241.

38. Павлов А. Генри Дженкинс, акафан-утопист // Дженкинс Г. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа / [Пер. с англ. А. Гасилина]. М.: Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019. С. 5–21.

39. Белов М.В. Дебаты историков из стран бывшей Югославии о декларации «Защитим историю» 2020 года // Славяноведение. 2022. № 3. С. 71–88.

40. Badurina M. Povjesničari nisu brokeri na burzi žrtava // TačNet. 18.06.2020. URL: <https://www.tacn.o.net/kultura/povjesnicari-nisu-brokeri-na-burzi-zrtava/> (дата обращения: 25.08.2024).

41. Badurina M. Povjesničari su partibrejkeri. Komentar na tekst Branimira Jankovića „Povjesničari nisu promatrači političkih borbi o povijesti“ // Historiografija.hr. 8.07.2020. URL: <http://historiografija.hr/?p=21873> (дата обращения: 25.08.2024).

42. Povodom povlačenja iz upotrebe nepodobnog udžbenika povijesti // Historiografija.hr. 13.12.2023. URL: <https://historiografija.hr/?p=38553> (дата обращения: 25.08.2024).

43. Badurina M. Treba li nam (i)jedan udžbenik? // Historiografija.hr. 16.01.2024. URL: <https://historiografija.hr/?p=39062> (дата обращения: 25.08.2024).

44. Geiger V. Jesu li utemeljene tvrdnje na mrežnim stranicama Javne ustanove Spomen-područja Jasenovac o sastanku predstavnika Njemačkoga Reicha i Nezavisne Države Hrvatske 4. lipnja 1941? // CroFacta.hr. 19.05.2024. URL: <https://crofacta.hr/objave/jusp-jasenovac> (дата обращения: 25.08.2024).

45. Polemički prilozi o ostavci ravnatelja Javne ustanove Spomen-područje Jasenovac Ive Pejakovića // Historiografija.hr. 25.05.2024. URL: <https://historiografija.hr/?p=40989> (дата обращения: 25.08.2024).

46. Janković B. Prilog javnoj raspravi o projektu CroFacta i Jasenovcu // Historiografija.hr. 25.05.2024. URL: <https://historiografija.hr/?p=40993> (дата обращения: 25.08.2024).

47. Калинин И. Историческая политика // Все в прошлом: Теория и практика публичной истории / Под ред. А. Завадского и В. Дубиной. М.: Новое издательство, 2021. С. 355–375.

THE ENGAGEMENT TRAP: PUBLIC HISTORY ON THE PAGES OF THE CROATIAN INTERNET PORTAL HISTORIOGRAFIJA.HR

M.V. Belov

The “digitization” of the public sphere has manifested in a significant transformation of its functioning under the influence of increasingly new “new media”. This development has raised anew the question of the social role of historians and the possibilities for their public communication. Launched in 2016, the portal Historiografija.hr publishes information about scientific conferences, publications, exhibitions, monuments, novels, films, series, etc., that have sparked public discussion. The portal serves as an aggregator (“digital archive”) of all activities related to history, primarily in Croatia but also in neighboring countries. Furthermore, it has organized a number of discussions reflecting the paradoxes in the theory and practice of public history.

Keywords: digital public history, politics of history, Croatia.

References

1. Gatina G.S., Savelyeva I.M. Russian historians on the practice of public history // *Historians in search of new perspectives: Coll. monograph* / Ed. by Z.A. Chekantseva. M.: Aquilon, 2019. P. 383–409.
2. Savelyeva I.M. Public history: discipline or profession? // *Human Sciences: history of disciplines: Coll. monograph* / Comp. and ed. by A.N. Dmitriev, I.M. Savelyeva. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2015. P. 421–451.
3. Frisch M. *A Shared Authority: Essays on the Craft and Meaning of Oral and Public History* (Sunny Series in Oral and Public History). State University of New York Press, 1990. 300 p.
4. Kolesnik A.S. (Not)public history? Russian-language Telegram channels about the past // *Memory on the Web: a digital turn in memory studies* / Ed. by A.F. Pavlovsky and A.I. Miller. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2023. P. 206–220.
5. Roy Rosenzweig Center for History and New Media / Department of History and Art History George Mason University, cop. 1996–2013. URL: <http://hnn.us/articles/43739.html#About>.
6. Makhov A.S. Roy Rosenzweig: making history public // *Dialogue with time*. 2013. Issue 43. P. 180–189.
7. Sheveleva A.P. History: academic, popular, public // *Articult*. 2013. № 11 (3). P. 4–8.
8. Repina L.P. Science and society: public history in the context of historical culture of the era of globalization // *Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities*. 2015. Vol. 157. Book 3. P. 55–67.
9. Isaev E.M. Public history in Russia: the scientific and educational context of the formation of a new interdisciplinary field // *Bulletin of Perm University. History*. 2016. Issue 2 (33). P. 7–13.
10. Zavadsky A.I. et al. Public history: between academic research and practice // *The inviolable reserve*. 2017. № 112. P. 22–34. URL: https://www.nlo-books.ru/magazines/neprikosnovenny_zapas/112_nz_2_2017/article/12529/ (Date of access: 25.08.2024).
11. Zavadsky A., Dubina V. Introduction // *Everything is in the past: Theory and Practice of Public History* / Ed. by A. Zavadsky and V. Dubina. M.: New Publishing House, 2021. P. 9–16.
12. Habermas Yu. A new structural transformation of the public sphere and deliberative politics. M.: New Literary Review, 2024. 104 p.
13. Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit? / Hg. M. Seeliger, S. Seignani (Leviathan, 37). Baden-Baden: Nomos, 2021. 498 s.
14. Birkner T., Donk A. Collective memory and social media: Fostering a new historical consciousness in the digital age? // *Memory Studies*. 2020. Vol. 13. Issue 4. P. 367–383.
15. Dolgov A.Y. Trauma and nostalgia in social networks: understanding the Soviet past in the online community «We are from the USSR» // *Memory on the Web: a digital turn in memory studies* / Ed. by A.F. Pavlovsky and A.I. Miller. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2023. P. 50–76.
16. Pavlovsky A.F. Introduction. The digital framework of collective memory: Where the digital turn in memory studies leads // *Memory on the Web: a digital turn in memory studies* / Ed. by A.F. Pavlovsky and A.I. Miller. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2023. P. 7–48.
17. Molotov K.I. «Neo-Stalinism» in the Russian-speaking segment of TikTok: how Stalin and Tim Belorussky are connected // *Memory on the Web: a digital turn in memory studies* / Ed. by A.F. Pavlovsky and A.I. Miller. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2023. P. 148–164.
18. Reuquits A. Society of singularities. On the structural changes of the Modern Era / Tr. from German by T.Y. Adamenko, I.G. Sokolovskaya. M. – Berlin: Directmedia Publishing, 2022. 400 p.
19. Rheingold H. *Smart Mobs: The Next Social Revolution*. Cambridge, MA: Perseus Publishing, 2002. 266 p.
20. Tikhonova S.V., Artamonov D.S. Historical memory in social media. St. Petersburg: Aleteya, 2022. 264 p.
21. Milkova M.A. The phenomenon of attention in the information environment: the economics of attention // *Digital economy*. 2020. № 3 (11). P. 73–87.
22. Abramov R.N., Kozhanov A.A. Conceptualization of the phenomenon of Popular Science: models of interaction between science, society and media // *Sociology of Science and Technology*. 2015. Vol. 6. № 2. P. 45–59.
23. Nichols T. The death of expertise. How the Internet kills scientific knowledge. M.: Bombora, 2019. 368 p.
24. Artamonov D.S. Media memory in the communication space of the digital society: Dissertation of the Doctor of Philology. Saratov, 2023. 356 p.
25. Molotov K.I., Maksimova A.S., Khlevnyuk D.O. Methods of constructing an expert position on YouTube: videos by popular bloggers and historians about the Stalinist repressions // *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2021. № 5. P. 92–117.
26. Lapina-Krasatyuk E. How digital media changed the approach to history // *Forbes*. 05.08.2015. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya-column/295707-kak-tsi-frovye-media-izmenili-podkhod-k-istorii> (Date of access: 25.08.2024).
27. Khmelevskaya Yu.Y. Historians and the «useful past»: on the issue of disciplinary boundaries and the disciplining functions of history in modern society // *Bulletin of Perm University. History*. 2016. Issue 1 (32). P. 162–173.
28. Artamonov D.S., Tikhonova S.V. Garage of history: the digital turn of «independent historical research» // *Dialogue with Time*. 2020. Issue 72. P. 237–254.
29. Pivovarenko A.A. The political landscape of Croatia. 1990–2000 // *Essays on the political history of the countries of Central and Southeastern Europe. The end of the XX – beginning of the XXI century* / Ed. by K.V. Nikiforov, M.; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020. P. 285–313.
30. Pivovarenko A.A. The policy of reconciliation in modern Croatia: from syncretism to «legitimate nationalism» // *Transformation revolutions in the countries of Central and Southeastern Europe. On the 30th anniversary of the events. 1989–2019* / Ed. by K.V. Nikiforov, St. Petersburg; M.: Nestor-Istoriya, 2021. P. 331–351.

31. Pivovarenko A.A. Franjo Tudjman and the problems of modern Croatia // *The new elite in the countries of Central and Southeastern Europe: political portraits. The end of the XX – beginning of the XXI century* / Ed. by K.V. Nikiforov. M.: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022. P. 469–484.
32. Historical politics in the countries of the former Yugoslavia: Coll. monograph / Ed. by M.V. Belov. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2022. 512 p.
33. PUJP – Povijest u javnom prostoru. URL: <https://historiografija.hr/pujp/> (Date of access: 25.08.2024).
34. Impressum // *Historiografija.hr*. URL: https://historiografija.hr/?page_id=879 (Date of access: 25.08.2024).
35. Belov M.V. «Only sculptors know what Tujman was like»? The monument is in the focus of public debate about Croatia's current past // *Historical expertise*. 2020. № 2. P. 136–158.
36. Belov M.V. The official calendar as an instrument of historical policy: the case of Croatia // *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*. 2020. № 5. P. 83–93.
37. Belov M.V. Film expression for sacrificial sacrifice: «Dara from Jasenovac» (2020) under fire from critics // *Dialogue with time*. 2022. Issue 81. P. 226–241.
38. Pavlov A. Henry Jenkins, Akafan the Utopian // Jenkins G. *Convergent culture. The clash of old and new media* / [Trans. from English by A. Gasilina]. M.: RIPOL Classic Group of Companies, 2019. P. 5–21.
39. Belov M.V. The debate of historians from the countries of former Yugoslavia on the declaration «Let's Protect History» in 2020 // *Slavic Studies*. 2022. № 3. P. 71–88.
40. Badurina M. Povjesničari nisu brokeri na burzi žrtava // *TačNet*. 18.06.2020. URL: <https://www.tacno.net/kultura/povjesnicari-nisu-brokeri-na-burzi-zrtava/> (Date of access: 25.08.2024).
41. Badurina M. Povjesničari su partibrejkeri. Komentar na tekst Branimira Jankovića „Povjesničari nisu promatrači političkih borbi o povijesti“ // *Historiografija.hr*. 8.07.2020. URL: <http://historiografija.hr/?p=21873> (Date of access: 25.08.2024).
42. Povodom povlačenja iz upotrebe nepodobnog udžbenika povijesti // *Historiografija.hr*. 13.12.2023. URL: <https://historiografija.hr/?p=38553> (Date of access: 25.08.2024).
43. Badurina M. Treba li nam (i)jedan udžbenik? // *Historiografija.hr*. 16.01.2024. URL: <https://historiografija.hr/?p=39062> (Date of access: 25.08.2024).
44. Geiger V. Jesu li utemeljene tvrdnje na mrežnim stranicama Javne ustanove Spomen-područja Jasenovac o sastanku predstavnika Njemačkoga Reicha i Nezavisne Države Hrvatske 4. lipnja 1941? // *CroFacta.hr*. 19.05.2024. URL: <https://crofacta.hr/objave/jusp-jasenovac> (Date of access: 25.08.2024).
45. Polemički prilozi o ostavci ravnatelja Javne ustanove Spomen-područje Jasenovac Ive Pejakovića // *Historiografija.hr*. 25.05.2024. URL: <https://historiografija.hr/?p=40989> (Date of access: 25.08.2024).
46. Janković B. Prilog javnoj raspravi o projektu CroFacta i Jasenovcu // *Historiografija.hr*. 25.05.2024. URL: <https://historiografija.hr/?p=40993> (Date of access: 25.08.2024).
47. Kalinin I. Historical politics // *Everything is in the past: Theory and Practice of Public History* / Ed. by A. Zavadsky and V. Dubina. M.: New Publishing House, 2021. P. 355–375.